

возражения Белинскому, а не наоборот, как это имело место в действительности, и тогда понятен тот особый интерес к ней в 1848 г. в свете недавней полемики В. Майкова с Белинским.²⁶ Кроме того, в 1846—1848 гг. многие молодые петербургские «мечтатели» в разных кружках уже задумывались над тем, как «переделывать действительность», и герценовская мысль о прозрачности Петербурга (т. е. петербургского самодержавного крепостнического строя) была популярна и находила сочувствие в их кругу.

Вспомним столь значительный образ Петербурга «со всеми его жильцами, сильными и слабыми, со всеми жилищами их, приютищами нищих или раззолоченными палатами», который возникает в трагическом финале повести «Слабое сердце» Достоевского, где автору кажется вместе с героем, что город этот, «оплот» «сильных мира сего», «походит на фантастическую волшебную грезу, на сон, который, в свою очередь, тотчас исчезнет и искурится паром к темно-синему небу» (2, 48). Чем-то этот необычный и зловеще-символический пейзаж напоминает иронически выраженную мысль Герцена о «загадочном существовании» города, «основанного на всяких противоположностях и противоречиях», города, у которого «нет будущего» и который «всякую осень может ждать шквала, который его потопит».

²⁶ См. об этой полемике: Манн Ю. Русская философская эстетика. М., 1969, с. 269—274.

А. Л. ОСПОВАТ

ДОСТОЕВСКИЙ И РАННЕЕ СЛАВЯНОФИЛЬСТВО (1840-е годы)

В литературе неоднократно и убедительно прослеживалось влияние утопических и социалистических идей на молодого Достоевского.¹ Менее подробно изучены другие источники мировоззрения писателя в 1840-е годы. Воздействие на Достоевского исторической концепции славянофилов, отразившееся в его показаниях на следствии по делу петрашевцев (1849 г.), впервые было отмечено Г. М. Фридлендером;² эту мысль в самом общем виде сформулировал также Л. В. Черепнин.³

Следственное дело Достоевского-петрашевца открывается его письменным объяснением о характере Петрашевского и вечерах, происходивших на его квартире, а также о цели, которую эти собрания преследовали. В этом первом показании Достоевский, отвергая еще не предъявленное ему обвинение в антиправительственной деятельности, заявлял: «Но если я говорил о французском перевороте (1848 г., — А. О.), если я позволял себе судить о современных событиях, следует ли из этого, что я вольнодумец, что я республиканских идей, что я противник самодержавия, что я его подкапываю. Невозможно! Для меня никогда не было ничего неслеснее идеи республиканского правления в России. Всем, кто знает меня, известны на этот счет мои идеи. Да, наконец, такое обвинение будет противно всем моим убеждениям, моему образованию. Я, может быть, еще объясню себе революцию западную и историческую необходимость тамошнего современного кризиса. Там несколько столетий, более тысячелетия, длилась упорнейшая

¹ См.: Комарович В. Л. Юность Достоевского. — Былое, 1924, № 23; Чулков Г. И. Достоевский и утопический социализм. — Каторга и ссылка, 1929, № 2—3; Бельчиков П. Ф. Достоевский в процессе петрашевцев. М., 1971.

² См.: История русской литературы. Т. IX, ч. II. М.—Л., 1956, с. 36, а также: Фридлендер Г. М. Реализм Достоевского. М.—Л., 1964, с. 20.

³ См.: Черепнин Л. В. Исторические взгляды классиков русской литературы. М., 1968, с. 155—156.

борьба общества с авторитетом, основанным на чуждой цивилизации завоеванием, насилем, притеснением. А у нас? И земля-то наша сложилась не по-западному!»⁴

В приведенном отрывке заметна важная особенность позиции Достоевского-подследственного: он не склонен к лапидарным сообщениям, но стремится предугадать новые вопросы следствия и более глубоко затронуть суть рассматриваемых проблем, зачастую развертывая философско-историческую аргументацию. В данном случае исходная позиция писателя обусловлена идеей о существовании коренного отличия между началом государственности и самим процессом ее становления в России, с одной стороны, и соответствующими этапами развития западноевропейской цивилизации, с другой. «Историческая необходимость тамошнего современного кризиса» предопределена изначальным насилем воинствующих пришельцев над местным мирным населением; в дальнейшем племенная вражда на Западе переросла во вражду сословий и, наконец, классов. Иначе обстояло дело в России.

Достоевский здесь повторяет основной тезис теории государственности славянофилов, которые в свою очередь заимствовали мысль о насилии как имманентном признаке и движущей силе западноевропейской цивилизации из французской романтической историографии (в первую очередь у Ф. Гизо и О. Тьерри).⁵ Русская история представлялась славянофилам противоположной картинке, нарисованной Гизо. Братья И. В. и П. В. Киреевские, И. С. и К. С. Аксаковы, А. С. Хомяков по-своему реализовали пожелание Пушкина, содержащееся в его неоконченной статье о втором томе «Истории русского народа» Н. А. Полевого: «Поймите же и то, что Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европой; что история ее требует другой мысли, другой формулы, как мысли и формулы, выведенные Гизотом из истории христианского Запада».⁶

Поисками этой «формулы» будущие славянофилы занялись еще при жизни Пушкина и, возможно, даже до выхода в свет труда Полевого. В дневнике М. П. Погодина за 1828 г. есть запись: «Киреевский (Иван Васильевич, — А. О.) рассказывал мне план большого сочинения своего о форме философии для России...»⁷ Из дальнейшего изложения явствует, что размышления Киреевского касались «отличительных черт российской истории».⁸ Од-

⁴ Цит. по: Бельчиков Н. Ф. Достоевский в процессе петрашевцев, с. 100—101. — Текст следственного дела Достоевского нами запово выверен и в ряде случаев исправлен по автографу, хранящемуся в Центральном Государственном военно-историческом архиве (ЦГВИА, ф. 801, оп. 84/28, д. № 55).

⁵ См.: Рейзов Б. Г. Французская романтическая историография. Л., 1956.

⁶ Пушкин П. Полн. собр. соч. Т. XI. М.—Л., 1949, с. 120.

⁷ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. II. СПб., 1889, с. 189.

⁸ Там же.

нако концепция славянофилов вызревала медленно; строгие очертания она принимает лишь в конце 1830-х годов. В статье Хомякова «О старом и новом», написанной в 1839 г. и никогда не предназначавшейся для печати, наряду с обличением неприглядных сторон русской средневековой действительности (столь гневным, что у современного литературоведа возникла аналогия с первым «Философическим письмом» Чаадаева⁹) выражена уверенность в том, что Россия обладает бесценными преимуществами перед Западом. И первое из них таково: «На нашей первоначальной истории не лежит пятно завоевания. Кровь и вражда не служили основанием государству русскому, и деды не завещали внукам преданий ненависти и мщенья».¹⁰

Достоевский не мог знать о существовании этой статьи Хомякова. Но точка зрения последнего отчетливо сформулирована им и в печатных статьях «Мнение иностранцев о России» (Москвитянин, 1845, № 4), «Мнение русских об иностранцах» (Московский литературный и ученый сборник, 1846 г.). Обе они могли быть известны молодому писателю.

На страницах «Московского литературного и учебного сборника» — манифеста славянофильства — Хомяков утверждал: «На Западе всякое учреждение, так же как и всякая система, содержит в себе ответ на какой-нибудь жизненный вопрос, заданный прежними веками». У истоков же западноевропейской цивилизации он находит «борьбу между племенами завоевательным и завоеванным».¹¹

Сходные взгляды исповедовал К. Аксаков. В неоконченной рукописи «Переворот Петра Великого» (около 1850 г.) он писал: «Все европейские государства основаны завоеванием. Вражда есть начало их. Власть явилась там неприязненною и вооруженною и *насильственно* утвердилась у покоренных народов <...>. Русское государство, напротив, было основано не завоеванием, а *добровольным* призванием власти. Поэтому не вражда, а мир и согласие есть его начало <...>. Запад, из состояния рабства переходит в состояние бунта, принимает бунт за свободу <...>. Россия же постоянно хранит у себя признающую ей самую власть, хранит ее добровольно, *свободно*, и поэтому в бунтовщике видит только раба <...> ибо бунтовать может только раб, а свободный человек не бунтует».¹²

⁹ См.: Маймиц Е. А. Нужны конкретные исследования. — Вопросы литературы, 1969, № 10, с. 107.

¹⁰ Хомяков А. С. Полн. собр. соч. Т. III. М., 1900, с. 28.

¹¹ Там же, т. I, с. 48.

¹² Аксаков К. С. Полн. собр. соч. Т. I. М., 1889, с. 16—17. — Мысли Аксакова, изложенные в конце процитированного отрывка, буквально повторяются в его стихотворении «Свободное слово» (1853):

Ограды властям никогда
Не видишь на рабстве народа!
Где рабство — там бунт и беда;
Защита от бунта — свобода.

За два месяца до написания Достоевским его первого показания, в марте 1849 г., И. Аксаков был вызван в III Отделение. «По моему мнению, — изъяснял в этом показании Аксаков, — старый порядок вещей в Европе так же ложен, как и новый. Он уже ложен потому, что привел к новому как к логическому, непременному своему последствию. Ложные начала исторической жизни Западу должны были неминуемо увенчаться безверием, анархией, пролетариатством <...>. Не такова Русь».¹³

В законченную форму облек эту концепцию И. Киреевский. В статье «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России», написанной в 1852 г., в период пребывания Достоевского на каторге, он писал: «... общественный быт Европы <...> почти везде возник насильственно, из борьбы па смерть двух враждебных племен: из угнетения завоевателей, из противодействия завоеванных...»¹⁴ И далее автор обосновывает тезис о том, что революция имманентна западноевропейской цивилизации: «Но, начавшись насильем, государства европейские должны были развиваться переворотами, ибо развитие государства есть не что иное, как раскрытие внутренних начал, на которых оно основано. <...> Партии папские, партии императорские, партии городские, партии церковные <...> религиозные, политические, пародные, среднесословные, даже партии метафизические постоянно боролись в европейских государствах <...>. Потому развитие в государствах европейских совершалось не спокойным возрастанием, но всегда посредством более или менее чувствительного переворота <...>. Очевидно, что при таких условиях образованность европейская должна была окончиться разрушением всего умственного и общественного здания, ею же самую воздвигнутого».¹⁵

Как отмечалось выше, Достоевский мог быть знаком с исторической концепцией славянофилов (нетрудно убедиться, что в этом вопросе Киреевский, Аксаковы и Хомяков были единодушны) по статьям Хомякова 1845 и 1846 гг. Но в № 1 «Москвитянина» за 1845 г. появилась и статья М. П. Погодина «Параллель русской истории с историей западных европейских государств относительно начала», которая трактовала истоки русской государственности на славянофильский лад, хотя и с добавлениями в духе официальной народности.¹⁶ Статья Погодина вызвала оживленный обмен мнениями как на страницах печати,¹⁷

¹³ И. С. Аксаков в его письмах. Ч. I, т. II. М., 1888, с. 151—152.

¹⁴ Киреевский И. В. Соч. Т. I. М., 1911, с. 184.

¹⁵ Там же, с. 192—193.

¹⁶ П. Н. Милоков полагал, что идея этой статьи была навеяна И. Киреевским в упоминавшейся выше беседе с Погодиным в 1828 г. (см.: Милоков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. Изд. 3-е. СПб., 1913, с. 311).

¹⁷ См.: История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография. М., 1965, с. 352.

так и в литературных салонах.¹⁸ Пристально интересовавшийся в это время «Отечественными записками»,¹⁹ начинающий писатель мог читать в № 3 этого журнала за 1845 г. ироническую рецензию на нее «„Москвитянин“ и вселенная», подписанную Ярополком Водянским. Возможно, для Достоевского не было секретом, что автором этого отклика на погодинский труд являлся А. И. Герцен.

Подтверждением того, что Достоевский уже в 1840-е годы был знаком со славянофильскими взглядами на историю, служит его письмо к А. Н. Майкову от 20 марта 1868 г.: «Да, любовное, а не завоевательное начало государства нашего (которое открыли, кажется, первые славянофилы) есть величайшая мысль, на которой много соизрядется...» (П., II, 100).

Размышления Достоевского — как и всего русского общества — об исторических судьбах России и Европы безусловно актуализировались революционными событиями 1848 г. В этой связи существенно сопоставить отношение к ним Достоевского и славянофилов. Цитирувавшемуся отрывку в показании Достоевского предшествуют слова: «На Западе происходит зрелище страшное, разыгрывается драма беспримерная <...>. Тридцать шесть миллионов людей каждый день ставят словно на карту всю свою будущность, имение, существование, свое и детей своих! И эта картина не такова, чтобы возбудить внимание, любопытство, любознательность, потрясти душу? Это тот самый край, который дал нам науку, образование, цивилизацию европейскую. Такое зрелище — урок!»²⁰

В отношении к революционным событиям 1848 г. единодушия между славянофилами не было. Наиболее четко среди них обозначились две позиции. Одну представляют многочисленные члены «клана» Аксаковых. В их письмах друг к другу враждебное отношение к европейским катаклизмам выражено вполне недвусмысленно.²¹ Аксаковы²² не желают осмыслить происходящее, оперируя критериями всемирной истории, — им вполне достаточно того, что петербургское общество получило лишнее доказательство изначальной греховности Запада.

Но для некоторых из идеологов славянофильства характерна иная позиция, которую отличает прежде всего сознание причаст-

¹⁸ См.: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. VIII, с. 114 и сл.

¹⁹ 4 мая 1845 г. Достоевский писал брату: «Итак, я решил обратиться к журналам и отдать мой роман («Бедные люди», — А. О.), за бесенок разумеется, в „Отечественные записки“» (П., I, 78. — Курсив наш, — А. О.).

²⁰ Цит. по: Бельчиков Н. Ф. Достоевский в процессе петрашевцев, с. 100.

²¹ См.: Михайлов А. А. Революция 1848 г. и славянофилы. — Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та, 1941, № 73, Сер. истор. наук, вып. 8, с. 48—74.

²² Впрочем, и между Аксаковыми не было полного единства. Иван Аксаков подтрунивал над чрезмерной, даже по его мнению, враждебностью брата Константина к Западу.

ности России судьбам Европы, сознание своего долга извлечь постоянный урок, а не прописную мораль из «трагедии» 1848 г. В разгар революционных потрясений на Западе Хомяков писал опубликованную много позже работу «О сельской общине», в которой он характеризовал современную ему Францию как «дающую теперь всему миру великий, но мало понимаемый урок».²³ Весной 1849 г. И. Киреевский писал В. А. Жуковскому о «той нравственной заразе, от которой теперь гниет Европа <...> от которой теперь у бедного западного человека уже провалилось небо...»²⁴ Происходящее не оставляет, однако, Киреевского равнодушным: «Грустно видеть, каким лукавым, но неизбежно и праведно насланным безумием, — продолжает он, — страдает теперь человек на Западе. Чувствуя тьму свою, он, как ночная бабочка, летит на огонь, считая его солнцем».²⁵ В статье «Обзорение современного состояния литературы» Киреевский писал: «Другое мнение, противоположное <...> безотчетному преклонению Запада и столько же одностороннее <...> заключается <...> и в той мысли, что со временем повоприобретенное европейское просвещение опять должно будет изгладиться из нашей умственной жизни развитием нашей особенной образованности <...>. Но кроме всех других несообразностей этого направления, оно имеет еще и ту темную сторону, что, безусловно отвергая все европейское, тем самым отрывает нас от всякого участия в общем деле умственного бытия человека...»²⁶

Автор «Былого и дум» писал: «Встреча московских славянофилов с петербургским славянофильством Николая была для них большим несчастьем. Николай бежал в народность от революционных идей. Общего между ними ничего не было, кроме слов».²⁷ Тем самым Герцен отделил «петербургское славянофильство» двора от собственно славянофильства как идейного течения, четко акцентируя противоположность в генезисе обоих этих явлений. Для «петербургского славянофильства» основополагающим моментом был страх царя перед революцией (которая, как замечал Герцен, пугала императора со времен декабристов²⁸). Краугольным камнем для славянофилов-теоретиков являлись идеи исторического предназначения русского народа, уникальности исторической судьбы России.

По теории, разработанной Хомяковым, существование русской общины не зависело от чьего бы то ни было произвола (в том числе государственного); характер же этой общины надежно гарантировал от вражды сословий и возникновения пролетариата,

появление которого на исторической сцене означало бы неизбежность революции.²⁹ Поэтому, полагал Хомяков, сенсимонизм и фурьеризм не имеют корней в русской почве. И идеи современных Хомякову русских фурьеристов (прежде всего петрашевцев) он считал плодом грубейших отступлений дворянских семей от исконного домашнего и церковного воспитания.³⁰

Рассуждение Хомякова о преимуществе семейного воспитания помещено в том же письме его к А. Д. Блудовой, в котором Хомяков сообщает о толках в высшем московском обществе, вызванных заговором петрашевцев. Это письмо, где Хомяков высказывает «негодование» по поводу намерений петрашевцев, хотя и считает, что «молодость клубистов внушает сострадание»,³¹ позволяет судить о резком расхождении существа идей молодого Достоевского и традиционного славянофильства уже в 1840-е годы. И все же показания Достоевского-петрашевца говорят и о серьезном творческом интересе молодого писателя к идеологии раннего славянофильства; очевидно, уже в это десятилетие начался процесс формирования собственной сложной системы взглядов Достоевского.

²⁹ См.: Хомяков А. С. Полн. собр. соч., т. III, с. 463—464. — Любопытно, что Хомяков, как и все славянофилы, понятие гарантии считал одной из ложных прерогатив Запада, но смысл его работы «О сельской общине» заключается именно в обосновании этой гарантии.

³⁰ Там же, т. VIII, с. 393—394.

³¹ Там же, с. 393.

²³ Хомяков А. С. Полн. собр. соч., т. III, с. 461—462.

²⁴ Киреевский И. В. Соч., т. II, с. 250.

²⁵ Там же, с. 250.

²⁶ Там же, т. I, с. 154—156.

²⁷ Герцен А. И. Собр. соч. Т. IX. М., 1956, с. 137.

²⁸ Там же.